

Конец восьмидесятых

Говорят, что память недолговечна.

Когда событие только случается, мозг фиксирует все детали, но потом, с годами, картинка блекнет, пока от нее не остается один только контур. А вот с мамой получилось наоборот. Сперва, когда она только исчезла, ее не стало и в моей памяти. Видимо, мозг по вполне понятным причинам — самосохранения ради, или вроде того, — вытеснил все воспоминания о ней, но когда я стал старше, они время от времени возвращались, причем шквалом. Будто бы их спрятали в надежном месте до поры до времени, пока я не подрасту настолько, чтобы выдержать всю эту боль.

Некоторые из них были непосредственно связаны с чувствами. Стоило мне только услышать некую песню или пройти по определенной улице, и ко мне, будто по щелчку, возвращалось воспоминание. Тогда я замирал, чтобы его не спугнуть, в надежде, что воображение дорисует все остальное.

Чаще всего вспоминались касания или звуки.

Попробую объяснить.

Я помню прикосновение ее пальцев — шершавых на ощупь, точно бинт. Руки у нее были вечно сухие от воды, мыла и бесконечной возни с грязной посудой (а все из-за нас), а вокруг ногтей топорщились крошечные лоскутки обкусанной кожи. Иногда она брала мое лицо в ладони, и пальцы скользили по моей коже чуть ли не со скрежетом.

Сэл мне как-то рассказывал, что ярче всего он помнит, как играл ее волосами.

Она временами садилась в бледно-зеленое кресло, украшенное птицами и цветами, — они с папой купили его в «Хэрродс» на деньги, подаренные им на свадьбу, — и распускала свои золотистые локоны. А мы с Сэлом, притворившись парикмахерами, по очереди причесывали ее и украшали ей голову заколками.

— Ну, мальчики, уж постарайтесь на славу! — говорила она, опускаясь в кресло. — Сделайте из меня писаную красотку!

Волосы у нее были густые и теплые, но после каждого прикосновения расчески на пол неизменно летели золотистые нити. Я жалею, что тогда не срезал у нее прядку и не спрятал в конверт, как часто делают родители, когда впервые подстригают свое дитя. На память.

✧

Звуки.

Как-то раз она сидела в центре города на скамейке и наблюдала, как мы лазаем по детской площадке. Бетонные плиты поблескивали после утреннего дождя. Я полез на рукоход, но перекладины оказались влажными и скользкими, и я упал и подвернул лодыжку. Я лежал на земле, схватившись за больную ногу, а мама бросилась ко мне. Трудно описать тот звук, с каким ее кожаные туфли торопливо ступали по влажной земле: какой-то влажный, лощеный стук. Лет десять спустя я шел по школьному двору, и мимо меня пробежала девочка. Видимо, в такой же обуви, и в тот день тоже шел дождь, потому что из-под подошв у нее доносился точно такой же звук.

Помню, что тогда я поднес кулак к губам, и рот наполнился леденящим вкусом крови.

Папа.

Каждый год на Рождество он сажал нас в машину и катал по округе, чтобы мы полюбовались праздничным убранством соседних домов и улочек. Мама наливала нам с собой полный термос горячего шоколада, и мы медленно скользили по улицам, сжимая в руках эмалированные кружки, выглядывая в окна и что-то воркуя себе под нос. У нас тогда было туго с деньгами, и папа не видел смысла в том, чтобы целую субботу распутывать нескончаемые праздничные гирлянды, вместо того чтобы сыграть в гольф или посмотреть его по телевизору.

— С улицы они все равно выглядят лучше всего, — заметил он однажды. — Так зачем тратить время и деньги на то, чтобы усладить соседей, когда можно самим прокатиться по району и полюбоваться на их украшения совершенно бесплатно?

Пожалуй, в какой-то логике ему не откажешь.

Муниципальные дома всегда были украшены по высшему разряду и не шли с остальными ни в какое сравнение.

— И откуда они только деньги берут, — обычно ворчал папа, а потом кивал на гигантского надувного Санту с восторженным: — Мальчишки, смотрите!

Но самый красивый дом мы оставляли напоследок. Стоял он в тупике, в конце 60-й улицы, длинной, прямой, окруженной с обеих сторон приземистыми особнячками. В самом дальнем углу, стоило только завернуть на улицу, в глаза сразу бросалось большое бунгало. Именно оно каждый год сильнее прочих радовало своим убранством. По легенде, там жила пожилая бездетная пара, которая каждый декабрь щедро украшала свой дом, чтобы привлечь окрестных детишек.

Супругам, дескать, хотелось, чтобы их помнили, пусть даже и чужие дети.

— Ну что, Сэл, готов? — спрашивал папа и включал поворотник. Сэл в этот миг не помнил себя от радости. Не знаю, оттого ли, что мы подъезжали к дому, или потому, что папа его выделял.

У дома тянулась вверх огромная, с телеграфный столб, ель, увешанная электрическими гирляндами, которые сверкали и перемигивались. Посреди лужайки стоял привычный рождественский вертеп, окруженный толпой зеленых и красных эльфов в башмаках с загнутыми кверху носами. Над гаражом высился огромный Санта-Клаус верхом на груженных подарками и украшенных колокольчиками санях с запряженным в них быстроногим оленем Рудольфом. Тропинки украшали карамельные тросточки, вход охранял снеговик, а все до единого окна подсвечивались электрическими гирляндами разных форм и расцветок. По фасаду дома проходила яркая белая гирлянда — она очерчивала контуры дома, дверей и окон. Если смотреть на такую несколько секунд неотрывно, а потом крепко зажмуриться, то перед глазами проступят очертания дома. Всякий раз, когда мы с Сэлом брались рисовать на бумаге домики, у нас неизменно получалось то самое бунгало в конце тупика, опутанное сверкающей сетью гирлянд. Интересно, забыл ли он об этом — или нет, как и я.

Еще я помню маму, сидящую рядом с папой. Он обнимает ее одной рукой, а другой придерживает руль. Они сидят на кожаном диванчике, какие часто встречались в автомобилях пятидесятых годов. Мамина голова покоится у папы на плече. Воротник у него поднят, и он покачивает головой в такт рождественским песням, которые крутят по радио. Кожа его еще не изрезана морщинами.

Вот только винтажного автомобиля у нас никогда не было, как и кожаного диванчика — так сказал папа, когда я впоследствии его обо всем этом расспрашивал. Быть может, эта картинка врезалась мне в память, когда я увидел обложку какого-то музыкального альбома или старый фильм, а то и вовсе сон. Но я помню эту сцену во всех подробностях и готов поклясться на Библии, что я вовсе ее не придумал, я помню ее так же отчетливо, как скрип шин на снегу и аромат, разливавшийся в воздухе, стоило только открыть подарочную коробку шоколадных конфет рождественским утром.

И я всегда буду верить, что все было в точности так, как подсказывает память.

2003

Когда мы с Анной познакомились, она встречалась с парнем. Во всяком случае, поначалу. Насколько я помню, на лето он улетел в Австралию, но это была туманная история, а подробностей я у нее никогда не спрашивал. Как-то раз девчонки в комнате для персонала завели разговор о том, что ни разу не видели их вместе. Одна даже сказала, что сомневается в его существовании. Но Лиза, подруга Анны, быстро заткнула всем рты.

— Они расстались, — пояснила она, но рассказывать о причинах наотрез отказалась. — Но он и впрямь существует.

Анна была не из тех, кого заботит чужое мнение. Я сразу обратил на это внимание. Как и на то, как она мне представилась в мой первый рабочий день. Даже в неприглядной форме работников кинотеатра она невольно цепляла взгляд. Девчонки звали ее дурнушкой; лицо у нее и впрямь было необычное, а в его угловатых чертах угадывались дерзость и сила, но напрочь отсутствовало изящество. Я в жизни таких лиц не видел, и пускай всякий раз, когда Анна выходила из комнаты для персонала, там вспыхивали жаркие споры о ее внешности, я в них никогда не участвовал. Меня она ни капельки не смущала.

Мы с ней распахнули двойные двери в кинозал. Не помню, какой тогда шел фильм, но все билеты были раскуплены, а когда начались финальные титры, мы прижа-

лись к дверям спинами, дожидаясь, пока поток зрителей не выплеснется наружу.

— Привет, меня зовут Анна, — представилась она и протянула мне руку. — Ты тут новенький, да?

Помнится, я что-то робко промямлил в ответ, сжимая ее ладонь. Мало кто из девятнадцатилетних может похвастаться привычкой пожимать руки при знакомстве, но Анна, как я уже говорил, разительно отличалась от всех. Не помню, как я взял у нее номер телефона, но жизнь ведь и состоит из череды крошечных побед, которые напрочь стираются из памяти.

Во время следующей смены мы снова встретились. Я переступил порог служебной комнаты без окон и увидел, что Анна сидит за столом с книгой и бутылкой воды. Она коротко мне улыбнулась и опустила взгляд на страницу. Следом в комнату проскользнул парень по имени Дейв и начал во всех красках описывать девушку, которую он только что обслужил, а заодно и все то, что бы он с ней сделал, будь у него такая возможность. Анна и бровью не повела, и тогда он сменил тактику, заявив, что читать книги в век интернета — это, дескать, пустая трата времени. Анна по-прежнему не обращала на него внимания. Тогда он спросил у меня: «А тебе какие телки нравятся?» — и сообщил, что его самого привлекают рыжеволосые бестии с пышным бюстом, развязные, но ни в коем случае не шлюховатые. Я в ответ лишь пожал плечами и сказал, что как такового типажа у меня нет, но мне нравятся умные девушки. Ах да, сказал он, откинувшись на спинку стула, в библиотеке тоже можно встретить горячую штучку! И отделать ее прямо на стопках книг, да так, чтобы очки слетели! Он хохотнул. Да нет у меня никаких таких фантазий, сказал я. Просто люблю начитанных. Тут Анна подняла на меня взгляд.

«Ты же понимаешь, что она тебе не даст, а? — спрашивали все. — Мы все пытались — пустой номер. Редкостная недотрога».

Анна исповедовала одну из тех религий, адепты которой смотрят на все обыденные радости жизни свысока. Празднование Рождества и дней рождения, попойки, секс до свадьбы — все это было у нее под строжайшим запретом. И ее парень разделял эти убеждения. Кто-то, может, и вовсе назвал бы их религию культом, но я воздержался бы от таких определений. Как-никак — каждому свое. Иногда они подбрасывают мне листовки. На прошлой неделе я поднял одну с коврика у двери, уставился на нее на мгновение, а потом скомкал. Я выжал из этого комка весь воздух, смял его с такой силой, что он стал совсем крошечным, и только потом выбросил в корзину для мусора.

Сперва мы мало разговаривали. В наши обязанности входила проверка билетов, а после каждого сеанса мы должны были заходить в зал и выгребать оттуда мешочки из-под попкорна и стаканчики. Пока мы убрали во мраке, по экрану еще ползли финальные титры. Когда случался аншлаг, к нам на помощь обычно приходила парочка других ребят, чтобы вымести из зала все, что оставили после себя предыдущие зрители, пока их место не заняли новые. Они подпевали финальному саундтреку или затевали партию в бейсбол с метлой и пустыми стаканчиками — а все ради того, чтобы покрасоваться перед девушкой. Анна вознаграждала их усилия разве что редкой улыбкой. Она предпочитала держаться сама по себе.

Но в первые жаркие выходные того лета все изменилось.

Ребята с работы собрались в Истуэлл — посидеть у руин древней церкви, искупаться в озере. Дейв сказал,

что Анна тоже туда собирается вместе с Лизой. Возможно, будет еще пара девчонок. Потом он спросил, не хочу ли я присоединиться, и я обещал подумать.

Истуэлл был совсем недалеко, поэтому в воскресенье, где-то в середине дня, я достал холодное пиво, которое прикупил накануне, во время смены, положил его в пакет и пошел по полям к церкви. Обычно на дорогу уходило минут пятнадцать, но в тот день стояла невыносимая жара, от которой голова у меня моментально взмокла. Я решил не спешить. Мимо пронеслась машина: изо всех окон торчали локти, а из динамиков доносились какая-то популярная песня. Я тут же узнал автомобиль — он принадлежал Лизе, — и мне подумалось: интересно, есть ли среди этих торчащих локтей локти Анны.

От церкви, построенной в XV веке, теперь остались одни руины, заброшенные и окруженные могильными плитами, надписей на которых уже было никак не разобрать. Поговаривали, что в ней обитают призраки. Я уже бывал тут в детстве. Мы с Сэлом тогда скакали по могилам, пытаюсь распознать имена и даты жизни.

Я услышал их раньше, чем увидел.

Под деревьями стояли две машины, а вся компания разлеглась на траве у озера в полуобнаженном виде и звонко хохотала над какой-то шуткой. Солнце сияло высоко в безоблачном небе, водная гладь блестела, точно стекло.

Кто-то из них заметил меня и помахал, а следом и все остальные обернулись в мою сторону. Я пригладил волосы и неловко кивнул. Но Анны среди них не было.

Лиза громко кричала на Дейва. Она держала открытый тюбик с солнцезащитным кремом, белевшим у нее на руках еще не растертыми полосами. Дейв кинул в нее пучок травы, и тонкие стебельки прилипли к коже. Она

отчитывала его и хохотала, прихлебывая «Ред Булл». Остальные тоже смеялись. Но Анны среди них не было.

Я достал банку пива из своего пакета и предложил ее собравшимся. Одна из девушек потянулась за ней и улыбнулась, когда наши пальцы соприкоснулись. Она выпятила грудь и скрестила ноги, а потом снова их выпрямила. Я достал еще банку, на этот раз себе, и пошел к воде.

Я старался не думать, почему она не приехала.

Озеро было большое, окруженное деревьями, а через него переброшен маленький мостик. По центру вода была темной, кишасей водорослями. А ближе к берегу — нежно-голубой, хотя оценить ее глубину со стороны все равно не получалось. По водной глади бежала рябь, и мое отражение подрагивало.

— Прыгай! — велел чей-то голос.

Я обернулся и увидел Анну в стороне от прибрежных зарослей, у каменистого склона. Нижняя часть ее тела скрывалась в толще воды.

Я улыбнулся и вскинул в воздух банку пива.

— Я бы с удовольствием, но, увы...

— Я подожду, — ответила она. — Хотя вообще-то умираю от жажды.

Она оттолкнулась от камней и устремилась ко мне, а я подался вперед и протянул ей банку. Пока она неспешно пила, я наблюдал за ней и невольно заметил, что от воды ее волосы совсем почернели.

— Спасибо, — сказала она, возвращая мне банку. — Тут еще тебе осталось.

Я кивнул на воду:

— Как глубина?

Она улыбнулась и вскинула брови.

— А ты прыгни и сам проверь, — сказала она и, оттолкнувшись от берега, поплыла прочь.